

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ТЕРМИНОВ КИТАЯ И УЗБЕКИСТАНА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Сафарова Ирода

Докторант Ташкентского государственного университета

востоковедения (ТГУВ)

Ташкент, Узбекистан

e-mail: iroda.safarova.24@mail.ru

Аннотация: В современном мире юридический перевод играет важную роль в международном сотрудничестве, особенно между странами с различными правовыми системами, такими как Китай и Узбекистан. Цель данной работы провести сопоставительный анализ правовых терминов двух стран и выявить основные трудности, возникающие в переводческой практике. В исследовании рассматриваются лингвистические особенности терминов, различия правовых понятий, а также влияние культурных и когнитивных факторов на точность перевода. Особое внимание уделяется явлению «ложных друзей перевода» и культурных лакун, которые могут приводить к искажению смысла и нарушению юридической точности. На основе примеров из гражданского, административного и уголовного законодательства Китая и Узбекистана анализируются стратегии передачи терминов, такие как описательный перевод, транслитерация и функциональная эквивалентность. Исследование подчеркивает необходимость глубокого понимания не только языка, но и правовой системы и культуры обеих стран, что позволяет переводчику принимать более взвешенные и профессиональные решения. Результаты работы способствуют развитию межкультурной юридической коммуникации и повышению качества правового перевода.

Ключевые слова: юридический перевод, правовые термины, сопоставление, культурные лакуны, функциональная эквивалентность, Китай, Узбекистан.

Введение

В условиях глобализации юридический перевод становится важным инструментом межгосударственного взаимодействия. Различия между правовыми системами Китая и Узбекистана, сформированные под влиянием исторических и культурных факторов, создают трудности при передаче терминов и понятий [1]. Как отмечает Сарцевич [2], юридический перевод – это не просто языковая операция, а «акт правовой коммуникации между двумя правовыми системами».

Китайская правовая модель основана на социалистических и конфуцианских принципах, тогда как узбекская на романо-германской традиции с национальными элементами. Эти различия приводят к отсутствию прямых эквивалентов и появлению культурных лакун [3]. Например, термин 人民调解 (rénmín tiáojiě) – «народная медиация» отражает китайский институт внесудебного урегулирования споров, который не имеет прямого аналога в Узбекистане.

Цель исследования выявить сходства и различия правовых терминов Китая и Узбекистана, определить основные трудности перевода и предложить практические пути их решения. Для достижения цели решаются следующие задачи:

- рассмотреть теоретические основы юридического перевода;
- определить лингвистические особенности правовых терминов;
- выявить примеры различий и совпадений в терминологии;
- предложить переводческие стратегии, обеспечивающие адекватность и точность.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

2.1. Понятие и специфика юридического перевода

Юридический перевод представляет собой особую сферу перевода, где язык напрямую связан с правовой системой и социальным контекстом. Любое отклонение в переводе может изменить юридическую силу документа [4].

Комиссаров [5] подчеркивает, что точность основной критерий юридического перевода, поскольку «ошибка в одном слове может изменить юридическое решение».

Юридический переводчик выступает не просто как лингвист, а как посредник между правовыми культурами. Перевод требует понимания структуры законодательства, жанровых форм (договора, постановления, судебные решения) и терминологической системы обеих стран [6].

Нида [7] указывает, что в юридическом переводе важна не буквальная точность, а функциональная эквивалентность, то есть сохранение юридического эффекта оригинала. Например, китайский термин 合同 (hétong) переводится как «shartnoma», однако объем прав и обязанностей может различаться в зависимости от национальной системы.

Право тесно связано с культурой, поэтому юридический перевод включает также культурно-семантический анализ. Например, термин 劳动教养 (láodòng jiàoyǎng) обозначает форму административного наказания через трудовое воспитание, отсутствующую в узбекском праве. Переводчик должен передавать смысл через функциональные эквиваленты или пояснительный перевод: «tarbiyaviy mehnat chorasining shakli».

Таким образом, юридический перевод – синтез лингвистики, права и культурологии, где каждая деталь имеет решающее значение для юридической точности и сохранения содержания.

2.2. Лингвистические особенности правовых терминов

Правовые термины обладают рядом лингвистических характеристик, отличающих их от общеупотребительной лексики. Они отличаются точностью, стабильностью и логической однозначностью [8]. По словам Сарцевич, юридический термин не просто слово, а языковое выражение конкретного правового понятия, закрепленного законом.

Главной чертой является моносемичность стремление к однозначности. Однако в практике встречается полисемия. Например, китайское слово 行为 (xíngwéi) может означать «поведение» или «действие», но в юридическом контексте «правонарушение». В узбекском языке эквивалент “huquqbuzarlik” уже имеет четкое юридическое значение [9].

Юридические термины также характеризуются абстрактностью и официальностью. Так, 权利 (quánlì) – «право», а 义务 (yìwù) – «обязанность». В узбекском языке аналогичные понятия “huquq” и “majburiyat” имеют более широкие смысловые границы [10].

Некоторые китайские термины обладают устойчивой структурой и не допускают изменения порядка слов. Например, 夫妻共同财产 (fūqī gòngtóng cáichǎn) – «совместное имущество супругов», тогда как в узбекском праве «er-xotinning umumiy mulki» не всегда полностью совпадает по объему.

Особое внимание требует явление «ложных друзей перевода». Термин 第三者 (dì sān zhě) дословно означает «третье лицо», однако в обиходе часто используется в значении «любовник». В узбекском праве “uchinchi shaxs” строго юридическое понятие без негативной коннотации [11].

Отдельной проблемой является отсутствие прямых эквивалентов. Например, 人民调解 (rénmín tiáojiě) – «народная медиация» и 劳动教养 (láodòng jiàoyǎng) «воспитание трудом» не имеют аналогов в узбекском праве [12]. В таких случаях используются описательные или функциональные эквиваленты.

Таким образом, перевод правовых терминов требует учета их семантики, контекста и правовой специфики, что обеспечивает точность и адекватность перевода.

2.3. Теоретические подходы к переводу юридических терминов

Современная теория перевода предлагает несколько подходов к передаче юридических терминов. Согласно Ниде, перевод должен обеспечивать

динамическую эквивалентность одинаковое коммуникативное воздействие на читателя оригинала и перевода. Например, термин 合同 (hétóng) переводится как «shartnoma», но его правовое наполнение варьируется в зависимости от системы.

Комиссаров [13] развивает концепцию функциональной эквивалентности, при которой значение переводимого элемента определяется его ролью в тексте. Так, 行政责任 (xíngzhèng zérèn) «ma'muriy javobgarlik» выполняет ту же функцию, что и узбекский аналог.

Ньюмарк [14] выделяет два подхода – семантический и коммуникативный. В юридическом переводе они сочетаются: термин 人民调解 (rénmín tiáojiě) можно передать описательно как «xalq tomonidan yarashtirish jarayoni».

Винай и Дарбельне [15] предлагают шесть стратегий, из которых модуляция и адаптация наиболее применимы в юридическом переводе. Например, 无效合同 (wúxiào hétóng) буквально «недействительный договор», но в узбекском контексте точнее «amalba kiritilmagan shartnoma».

Как отмечает Сарцевич, перевод юридических терминов невозможен без учета культурных и правовых факторов. Например, 法治 (fǎzhì) «власть закона» в Китае включает идею социальной гармонии, тогда как узбекский термин “huquq ustuvorligi” ориентирован на демократические принципы.

Юридический перевод, таким образом, требует баланса между точностью и адаптацией, что достигается комбинированием лингвистических и культурных подходов.

Заклучение

Исследование показало, что перевод правовых терминов между китайским и узбекским языками представляет собой сложный междисциплинарный процесс, включающий лингвистический, правовой и

культурный аспекты. Различия правовых систем, отсутствие прямых эквивалентов и культурные лакуны создают дополнительные трудности.

Эффективный перевод возможен только при применении функциональной и динамической эквивалентности, а также адаптивных стратегий, направленных на сохранение юридического смысла. Юридический переводчик должен обладать знаниями обеих правовых систем, уметь различать контекст и подбирать адекватные эквиваленты.

Практическая значимость исследования заключается в развитии профессиональных компетенций переводчиков в области юридического перевода и укреплении правовой коммуникации между Китаем и Узбекистаном.

Список использованной литературы

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Москва: ЭТС, 2010. 384 с.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода. Москва: Издательство МГУ, 2004. 544 с.
3. Нида Ю. Э. Наука перевода: теория и практика. Москва: Прогресс, 1982. 256 с.
4. Newmark P. A Textbook of Translation. London: Prentice Hall, 1988. 292 p.
5. Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris: Didier, 1995. 345 p.
6. Šarcevic S. Legal Translation and the Drafting of Legal Texts: Textual Features and Translation Strategies. Geneva: University of Geneva, 1997. 215 p.
7. Cao D. Translating Law. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 230 p.
8. Саидов А. Х. Давлат ва ҳуқуқ асослари. Тошкент: Адолат, 2004. 400 б.
9. Таржима назарияси: ўқув қўлланма. Тошкент: Тафаккур-Бўстони, 2012. 216 б.
10. Матмуродов Н. Ҳуқуқий атамаларнинг таржимадаги ўрни. Тошкент: Юрист нашриёти, 2020. 180 б.

11. 马莉 (Mǎ Lì). 法律术语翻译中的文化缺省. 北京: 中国政法大学出版社, 2010. 45–56 页.
12. 张维迎. 法律与文化. 北京 (Beijing): 法律出版社, 2008. 260 页.
13. 陈小鸿. 北京: 中国社会科学出版社, 2015. — 212 页.